

Социальная справедливость: какой мы ее видим? // Вечерняя Одесса. ? 1990. ? 2 марта.

Какое общество является справедливым?

Нарушается ли справедливость в обществе в городе, в трудовом коллективе? Кто несет основную ответственность за нарушения социальной справедливости? В каких сферах жизни справедливость нарушается чаще всего? Как остро мы переживаем эти нарушения и как активно боремся за укрепление социальной справедливости?

Эти и другие вопросы интересовали социологов Одесского госуниверситета им. И.И. Мечникова (кафедра философии гуманитарных факультетов), изучающих мнение трудящихся г. Одессы по проблемам социальной справедливости. Опрос проводился в мае—сентябре 1989 года. В сборе информации участвовали слушатели ВПШ. 908 опрошенных были отобраны на 20 предприятиях города таким образом, чтобы на основании их ответов можно было судить о мнении трудящихся различных отраслей народного хозяйства, представителей разных демографических и социально-профессиональных групп.

Ранее, осенью 1988 г., по проблемам социальной справедливости проводился пресловутый опрос газеты «Знамя коммунизма», результаты которого были опубликованы 21 декабря 1988 г. Подводя итоги опроса, проведенного в трудовых коллективах, мы учитывали к данным пресловутого опроса. Помним при этом, что, во-первых, прошедший год был богат такими событиями, которые могли многое изменить в сознании людей, во-вторых, в пресловутых опросах, как правило, принимают участие люди, занимающие более активную гражданскую позицию, чем остальное население, и, как свидетельствует опыт, — люди, придерживающиеся более радикальных и критичных взглядов.

Еще немного об опросе, который сейчас в центре нашего внимания: 46 проц. опрошенных — рабочие, 23 — специалисты (инженеры, врачи, преподаватели и т. п.), 16 — рядовые работники сферы обслуживания, остальные — представители других социально-профессиональных групп, руководители первичных трудовых коллективов, среднего и высшего звена. Женщины составляют 43 проц., опрошенных, мужчины — 57; 27 проц. опрошенных — молодежь до 30 лет; 26 — работники в возрасте 30—39 лет; 24 — 40—49 лет, 21 — 50 лет и старше.

Выбранные для опроса трудящиеся достаточно точно представляют массовые социально-профессиональные и демографические группы работников основных отраслей народного хозяйства г. Одессы. Можно, таким образом, с полным основанием судить об общественном мнении трудящихся г. Одессы о социальной справедливости.

При обработке информации и ее анализе использовались процентные распределения и индексы. Последние — обобщенные показатели характеризующие соотношения различных ответов на один и тот же вопрос. Положительное значение индекса свидетельствует о преобладании позитивных ответов, отрицательное — о доминировании негативных ответов. Величина индекса колеблется от (+100) — все ответы позитивные, до (?100) — все ответы негативные. Например, 11 проц. отмечают улучшение состояния социальной справедливости, 25 — ее ухудшение, соответственно индекс изменения состояния социальной справедливости (?14).

ЗАЧЕМ

СПРАШИВАТЬ О СПРАВЕДЛИВОСТИ?

Действительно, зачем? Ведь если спросить каждого из нас: «Что такое справедливость», — такую услышим разногласицу, что вроде бы полностью убедимся в бессмысленности изучения мнений на этот счет. Но вот что, казалось бы, странно: пока теоретики (философы, социологи, историки) спорят по поводу дефиниций справедливости и не могут прийти к необходимому согласию, люди в своей повседневной жизни постоянно пользуются более или менее определенным представлением о том, что «справедливо», а что нет. Причем, это представление всегда выступает как некоторый критерий, как осознаваемая либо неосознаваемая основа оценки социальной действительности.

Вот и наши респонденты (опрашиваемые) считают, что «для большинства людей социальная справедливость имеет очень большое значение» (61 проц. — да, 28 — нет). 77 проц. ответили, что социальная справедливость очень большое значение имеет лично для них, а 64 указали на то что понятия «справедливость» — «несправедливость» часто используются ими в повседневной жизни при оценке действий, поступков других людей, групп, органов власти и т. п. (17 ответили «нет», 19 — «затрудняюсь ответить»).

Что еще можно к этому добавить, чтобы выяснить, зачем все же спрашивать о справедливости? А вот что: представления о справедливости — основополагающая составляющая нравственного сознания, которое особо важное значение приобретает на

переходных этапах общественного развития, в период, когда меняются представления и оценки. В. И. Ленин писал в свое время (тоже «переходное» и «переломное»): «Если нравственное сознание массы объявляет известный экономический факт несправедливым, это есть доказательство того, что сам факт пережил себя, что появились другие экономические факты, в силу которых тот факт стал невыносимым и несохранимым».

Не только экономические факты подвергались оценке в нашем опросе, но и другие явления и стороны нашей жизни. Итак, об оцениваемых фактах и справедливости как инструменте оценки социальной действительности.

КАКОЕ ОБЩЕСТВО СПРАВЕДЛИВО?

Если трудно ответить на вопрос, «что такое социальная справедливость?», то, по крайней мере, определиться в том, какое общество «справедливо», - может попытаться каждый. Как же распределились ответы на данный вопрос?

По мнению трудящихся, справедливо то общество, в котором:

Индексы

каждый может участвовать в обсуждении, выработке и принятии решений по важнейшим вопросам

71

все имеют равные условия для реализации своих способностей

69

имеется соответствие принципам общечеловеческой морали, нравственности

66

имеются различия, но они зависят только от трудового вклада

49

гарантировано удовлетворение насущных потребностей независимо от трудового вклада

16

имеется соответствие установленным законам

9

отсутствуют существенные различия в уровне жизни, благосостояния людей

0

Оказалось, что не каждый без затруднений смог ответить на поставленный вопрос. При этом чаще всего затруднялись ответить на вопрос, является ли справедливым все то, что не противоречит принятым законам. Таких оказалось 20 проц. Это наводит на грустные размышления: именно тогда, когда много говорим о правовом государстве и собираемся жить «по законам», сами законы не очень-то чтим. А может быть, это свидетельство того, что старые законы как раз и являются тем «фактом», который в массовом сознании себя изжил и нужны новые?

Гораздо большее значение в оценках справедливости респонденты придают общечеловеческой морали, соблюдению норм нравственности. Не случайно, отвечая на вопрос: «Почему все таки многие не нарушают социальную справедливость?» — чаще, чем другие варианты, выбирали ответ «в силу нравственных принципов» (40 проц, в сравнении с вариантом «из страха наказания», который выбрали 18 проц.). И еще немаловажная «деталь»: уравниловка не так уж и популярна: представление о том, что социальная справедливость — это «отсутствие существенных различий в уровне жизни, благосостоянии людей», занимает последнее место в ранжированном ряду представлений о социальной справедливости. О падении популярности уравнилительных

представлений свидетельствуют и другие опросы, проведенные в Одессе («Знамя коммунизма», 13 февраля 1989 г.).- Хотя стереотипы уравниловки еще не изжиты, а процесс их изживания — болезненный и противоречивый.

СПРАВЕДЛИВО ЛИ НАШЕ ОБЩЕСТВО?

СТАЛО ЛИ ОНО ЛУЧШЕ?

Разумеется, эти вопросы представляют для нас особый интерес. Каково состояние социальной справедливости в том обществе, в котором мы живем? И в г. Одессе, являющейся нашим домом, и в том трудовом коллективе, в котором мы проводим большую часть нашей деятельной жизни? И, наконец, как много наших респондентов испытывало несправедливость по отношению к себе «лично» со стороны официальных лиц и организаций?

Картина, прямо скажем, неутешительная. Низко оценивают трудящиеся состояние социальной справедливости и в обществе (?56), и в городе (?66), и в трудовых коллективах (?23), и на индивидуальном уровне (?60), отмечая везде нарушения социальной справедливости. И что примечательно — представители разных социально-профессиональных групп практически единодушны: их оценки состояния социальной справедливости различаются незначительно. Выходит, общая беда.

Практически единодушны представители различных групп и в оценке разных сторон нашего общества, 69 проц. считают, что мы не можем реально участвовать в

обсуждении, выработке и принятии решений по важнейшим вопросам; 88 — утверждают, что далеко не все члены общества могут полноценно удовлетворять свои насущные потребности (в жилье, питании и т. п.); только 14 признают наличие равных условий для реализации способностей; лишь 17 считают, что материальное благосостояние в нашем обществе зависит от личного трудового вклада.

Таким образом, действительность не соответствует представлениям опрошенных о справедливом обществе. Это, несомненно, источник социального напряжения, фиксируемого в последнее время во многих социологических исследованиях.

Говорят, если нельзя изменить обстоятельства, то нужно хотя бы изменить отношение к ним. Так что же у нас изменится раньше? Наша реальная жизнь или представление о социальной справедливости и, соответственно, ее оценка? Хотелось бы надеяться, что начнет в лучшую сторону меняться реальная жизнь, а вместе с этим спадет и социальное напряжение.

А пока посмотрим, как оценивают происшедшие в последнее время изменения трудящиеся и как представляют себе состояние социальной справедливости в перспективе. Результаты явно неутешительны: лишь каждый десятый считает, что состояние социальной справедливости в обществе в последние годы улучшилось (каждый четвертый считает, что оно ухудшилось). Сравним: в прессовом опросе 1988 г. улучшение отметил также каждый десятый, зато ухудшение — каждый пятый.

Оценки изменений в городе еще ниже. Подавляющее большинство опрошенных не верит, что в ближайшие годы удастся добиться существенного укрепления социальной справедливости в нашем обществе. Заметим также, что «изменения» и «перспективы» в целом негативно оцениваются во всех социально-профессиональных группах.

Как это понимать? Не «льем ли мы воду на мельницу» (какая привычная фраза! Какое затасканное клише!) врагов перестройки?

Может быть, тоска по недавнему («застой») или сравнительно давнему прошлому (сталинизм) подсказывает оценку настоящему?

Но обратимся к ответу на другой вопрос: «Как Вы считаете, когда в нашей стране была в наибольшей степени достигнута социальная справедливость?». Вопрос «открытый», т. е. варианты ответов предлагали сами респонденты. Отбор наиболее типичных, чаще всего повторяющихся, дал возможность их классифицировать. Опять невесело: около половины ответивших сказали: «Никогда»... Но тоски по давнему и недавнему явно нет. 19 проц. опрошенных заключили: «при Горбачеве, в самое последнее время» (для сравнения, «при Брежнев» — 4, «при Сталине» — 5, «при Ленине» — 8).

КТО ВИНОВАТ И ЧТО ДЕЛАТЬ?

Как известно, в российской истории были такие периоды, когда эти вопросы задавали с особой настойчивостью. Не обошли их и мы своим вниманием, дабы уточнить позицию опрашиваемых. Одесситы оказались мудры и соответственно напутствию Козьмы Пруткова — «зри в корень» — чаще других вариантов выбирали «само общественное устройство». На втором и третьем местах — ведущие («партийные и советские органы») и ведомые («все мы»). Ответственность первых чуть превышает ответственность вторых.

Если попытаться установить некоторую специфику ответов различных социально-профессиональных групп, то окажется, что предпочтение «общественному устройству» отдается во всех группах, кроме рабочих. Что касается позиции «все мы», то здесь все группы оказались единодушными: количество выборов данной позиции в разных группах практически одно и то же.

Сколь распространены такие представления в стране в целом, сказать не можем, но,

кроме Одессы, приведем данные, полученные в других городах Украины:

Кто ответствен

Балаклава, %

Житомир, %

Одесса, %

1. Само общественное устройств

22

27

30

2. Партийные и советские органы

49

44

27

3. Все мы

13

14

22

4. Правоохранительные органы

12

4

9

5. Министерства и ведомства

15

6

4

6. Только конкретный виновник

3

1

4

7. Затрудняюсь ответить

9

5

4

Как видим, одесситы более самокритичны, распределяют ответственность почти поровну, чего не скажешь о жителях Житомира и Балаклавы. Но в чем конкретно состоит вина «всех нас»? Может быть, «все мы» в одинаковой степени нарушали социальную справедливость?

Оказывается, не совсем так. Вот как распределились ответы на вопрос «Представители каких общественных групп чаще других нарушают социальную справедливость?».

работники партийных, советских, комсомольских органов управления

47%

руководители высшего звена

29%

рядовые работники сферы обслуживания

11%

руководители среднего звена

4%

специалисты (инженеры, врачи...)

3%

руководители первичных трудовых коллективов

2%

рабочие

1%

КОЛХОЗНИКИ

1%

Эти данные в некоторой степени перекликаются с результатами прессового опроса о том, какие группы «получают от общества больше, чем дают». Читатели единодушно указали на руководителей различного рода: работников партийного аппарата — 34 проц., советских органов — 18, просто «руководство, начальство» — 25, руководителей общественных организаций — 7.

Сейчас, как известно, зарплата работников партийного и советского аппарата значительно увеличилась. Как это отзовется на оценках социальной справедливости?

Так в чем же вина «всех нас»? Некоторое прояснение по этому поводу наступает, когда знакомимся с ответом на вопрос: «Что мешает успешной борьбе с нарушениями социальной справедливости в трудовом коллективе?».

Безразличие, пассивность коллектива

34%

Позиция руководства, администрации

33%

Внешние факторы, не зависящие от самого коллектива и руководства, администрации

26%

Позиция общественных организаций

7%

Хотя коллектив («все мы») должен разделить ответственность с руководством за нарушение социальной справедливости, ясно, что речь идет именно о нашей пассивности и безразличии. Вот, оказывается, какова природа нашей виновности и ответственности. Поистине, как в старом изречении: каждый народ имеет такого правителя, которого заслуживает. Итак, пассивность и безразличие? Или, может, небезразличие, но пассивность? К этому вопросу мы еще вернемся.

А вот как насчет того, «что делать»? Какой путь борьбы за укрепление социальной справедливости представляется наиболее эффективным? На первом месте — «коренная экономическая реформа». Ее выбирает почти каждый второй. На втором — «укрепление дисциплины и порядка» (каждый четвертый), затем — «повышение уровня нравственности». И лишь каждый десятый выбрал «развитие демократии».

Безусловно, на результате в значительной степени сказалось то, что указать нужно было только один вариант — наиболее предпочтительный. Выбор «экономической

реформы» не случаен, он определен не только пониманием ее значимости, но и неудовлетворенностью слишком медленными темпами преобразования. Опросы, проведенные ранее с целью выяснения общественного мнения по поводу перестройки, показали: трудящиеся более удовлетворены развитием демократии и гласности, чем преобразованиями в экономике.

Тем не менее, ответы на данный вопрос — это и информация к размышлению. Все ли понимают, что коренная экономическая реформа невозможна без дальнейшего развития демократии? Не думаем ли мы, что развитие демократии исключает борьбу за дисциплину и порядок? И, наконец, не поразила ли нас бацилла языкового штампа, распространяемого в последнее время, когда демократия представляется непременно как «митинговая». Не имеет ли место недооценка политики?

Например, в другом опросе, посвященном предстоящим выборам («Вечерняя Одесса», 15 февраля 1990 г.), политический радикализм явно уступал экономическому. Но вот что интересно. Сравнение результатов опроса по месту жительства с ответами, которые дали участники митинга, проведенного неформальными организациями 24 декабря 1989 г. в парке «Победа», свидетельствует, что «митингующие» большее значение придают политике, чем остальное население.

ЕСТЬ ЛИ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

В ОДЕССЕ?

Оценивая состояние социальной справедливости в своем родном городе, одесситы чаще, чем при оценке общества в целом, выбирают крайне негативную позицию. В целом негативных оценок примерно столько же, сколько и у жителей Николаева, Полтавы и Запорожья (опросы 1988 года). Но лишь каждый десятый житель данных городов отмечал ухудшение положения в последние годы, в Одессе — каждый третий.

Что же не нравится одесситам? В каких сферах жизни города справедливость нарушается более всего? Плохо, оказывается, везде, но чаще всего нарушается справедливость при обеспечении продуктами питания и промтоварами, при получении жилья и медицинском обслуживании. Соответствует ли переживание ситуации самой ситуации? Попробуем обратиться к статистике.

В 1988 г. в области через государственную и кооперативную торговлю продано меньше, чем в 1987 г., мяса, птицы, рыбы, колбасных изделий, растительного масла и других продуктов. Уменьшился и объем продажи сельскохозяйственных продуктов на рынках города в 1989 г. по сравнению с 1988. а цены возросли (на овощи на 15 проц. фрукты — на 12, мясо — на 16).

Обеспеченность жилой площадью в Одессе 8,6 квадратных метра на человека, что составляет 63 проц. От норматива (13,65 квадратных метра согласно жилищному законодательству УССР). Однако даже в рекордном (по объему жилищного строительства) 1988 году в нашем городе было построено (на 100 чел. населения) меньше, чем в Киеве, Днепропетровске, Харькове, где средняя обеспеченность жильем значительно выше. Главное — в 1989 г. жилья введено меньше, чем в 1988-м.

И, наконец, медицинское обслуживание. Наиболее слабое место здесь — обеспеченность больничными койками. По этому показателю наш город и в 1985, и в 1988 г. занимал 27-е место среди 30 (столиц союзных республик и миллионных городов страны). Выходит, что эмоции и сухие цифры вполне в ладу.

КАК ДЕЛА В ТРУДОВОМ КОЛЛЕКТИВЕ

Состояние социальной справедливости в трудовом коллективе оценивается выше, чем в обществе и городе, но преобладают и в данном случае негативные оценки. Вот что любопытно: оценивая положение в своих трудовых коллективах, люди чаще затрудняются ответить, чем оценивая общество в целом и город (23 проц. в сравнении с 10 проц. при оценке общества и 10 проц. при оценке города). Может быть, о состоянии дел в своем коллективе знают хуже, чем о том, что творится за его пределами? Но оценка информированности о состоянии дел в коллективе в целом не ниже, чем оценка знания городских несправедливостей, и выше, чем оценки информированности в обществе. Почему же затрудняется оценить справедливость в коллективе почти каждый четвертый?

Может быть, откликнется кто-либо из «затруднившихся» ответить и приоткроет эту тайну?

И еще о «делах» в трудовых коллективах: каждый третий выразил обеспокоенность тем, что руководству предприятия (организации) станет известно о содержании его ответов.

Но как же оценивают различные стороны деятельности трудового коллектива? Прежде всего — все отрицательно. Существенных различий в оценках, которые дают работники разных отраслей народного хозяйства, не наблюдается: у всех самой низкой является оценка оплаты труда, на втором и третьем местах — распределение жилья и путевок в дома отдыха.

Но что чрезвычайно важно: обнаружена взаимосвязь общей оценки социальной справедливости и оценки различных направлений деятельности с экономической эффективностью деятельности предприятия, с практикой распределения фондов экономического стимулирования. Вот уж поистине, что посеешь, то и пожнешь.

Оценка социальной справедливости, например, тесно связана с величиной прибыли, получаемой промышленными предприятиями. При этом «скачок» имеет место именно там, где прибыль на одного работника превышает 5 тыс. рублей.

Интересна взаимосвязь между ростом производительности труда и оценкой уровня производственной демократии (частотой нарушения справедливости при обсуждении, выработке и принятии решений):

Производительность труда

Индексы

Рост отсутствует

?38

Рост до 10%

?25

Рост свыше 10%

?5

Выходит, что оценки справедливости не беспочвенны — они имеют твердую основу, выражаемую в конкретных показателях, о которых следует заботиться.

Оценки справедливости распределения жилья и путевок связаны с величиной прибыли, направляемой в фонд социального развития. «Скачок» оценок имеет место в трудовых коллективах, где в фонд социального развития направляется свыше 470 рублей на человека.

ПЕРЕЖИВАЮ, НО НЕ БОРЮСЬ

«Я глубоко переживаю любые проявления несправедливости даже тогда, когда лично меня это не касается», — такова позиция 74% опрошенных. Ровно столько же отметили случаи несправедливого Отношения к ним со стороны официальных лиц и организаций. Налицо и другие признаки социальной напряженности, которая, как мы уже писали, фиксируется во многих социологических исследованиях: низкий уровень удовлетворенности в общем и целом своей жизнью (индекс — 12), неуверенность в завтрашнем дне (индекс — 16).

Но какова наша собственная активность в борьбе за укрепление, социальной справедливости? Как мы ведем себя в случаях проявления несправедливости? Вот тут-то и обнаруживается несоразмерность наших переживаний и практических шагов по преодолению несправедливости.

Только 17 процентов «довольно часто» принимало участие в борьбе с социальной несправедливостью в своем коллективе (по самооценкам опрашиваемых), а каждый третий вообще не участвовал в этой борьбе.

Даже в случае проявления несправедливости по отношению к ним почти половина опрошенных (43 процента) пассивно ведет себя (открыто не выступает против несправедливости, смиряется с нею, пытается оправдать).

Лишь каждый пятый активно выступает против любых проявлений несправедливости, а каждый третий пытается противостоять только наиболее вопиющим проявлениям несправедливости, допускаемым по отношению к ним лично.

Даже среди тех, кто глубоко переживает любые проявления социальной несправедливости, 32 процента вообще не участвуют в борьбе против нее.

Вот и выходит, что переживаем, но не боремся. А в чем же дело? Почему такая пассивная реакция на то, что происходит вокруг нас и снами лично? Боимся либо не считаем возможным что-либо изменить? А может быть, и то, и другое? О том, что каждый третий выразил озабоченность тем, что результаты его ответов станут известны администрации, писалось ранее. А вот об очень важном обстоятельстве — развитости чувства солидарности — скажем сейчас. На вопрос: «Уверены ли Вы, что в случае конфликта с администрацией, Ваши товарищи Вас поддержат?», около половины респондентов ответили отрицательно, и каждый третий выбрал позицию «трудно сказать». Оказалось также, что реакция на несправедливость несколько иная у людей уверенных, чем у тех, кто неуверен в поддержке: первые чаще «активно выступают против любых проявлений несправедливости», либо «пытаются противодействовать наиболее вопиющим фактам нарушения справедливости». Неуверенные избирают другие позиции: «выступают против несправедливости только в том случае, если затронуты личные интересы» и «осуждают несправедливость лишь «в разговорах с

товарищами». Итак, чувство солидарности! Дефицит его мешает нам активно отстаивать человеческое достоинство, выступить против несправедливости.

Но еще в большей степени пассивность и «притерпелость» (Е. Евтушенко) — от неверия в эффективность наших действий, в возможность добиться успеха в борьбе с несправедливостью. Вдумайтесь в эти цифры: лишь 7 процентов опрошенных считает, что действия тех, кто выступал против несправедливости в трудовом коллективе, были успешными; только 9 процентов отметили, что в большинстве случаев были успешны их действия против несправедливости, допущенной к ним лично.

Итак, переживаю, но не борюсь, потому что:

опасаюсь администрации;

не рассчитываю на поддержку товарищей по работе;

не верю в успех борьбы.

В прессовом опросе тоже четко обнаружилось эти «болевые точки». В письмах, сопровождающих анкеты, читатели задавали вопрос: «Как пробудить смелость высказываться вслух?» Сетовали на то, что «гражданское сознание находится в спячке, нет сплоченности в народе («Знамя коммунизма», 21 декабря 1988 г.). А во всех наших официальных документах мы говорим о неуклонном росте гражданского сознания. Так растет ли оно?

ОДЕССИТЫ — ВОТ ОНИ КАКИЕ!

Сопоставляя результаты различных опросов, проведенных в Одессе, а также сравнивая их с данными, полученными в других городах, можем представить себе, каков он — «средний» одессит и в чем особенность его социально-политического облика.

Действительно, такая специфика есть: **он самый радикальный, самый критичный, самый неудовлетворенный и одновременно... самый «бездеятельный»**

(если иметь в виду сопоставимые результаты опросов, проведенных во Львове, Москве, Киеве, Горьком и других городах).

«Бездействующее мнение» — так уже характеризовалось мнение одесситов.

Действительно, радикализму взглядов и настроений жителей Москвы, Горького, Львова и Киева вполне соответствует бурная политическая жизнь, широкое массовое общественно-политическое движение. Еще более радикальные и критичные одесситы сохраняют хладнокровие и невозмутимость. Они предпочитают не выражать свои настроения и неудовлетворенность в практических акциях, не участвуют в митингах и неформальных движениях.

Активно выступают против любых проявлений несправедливости

22%

Участвуют в демонстрациях, митингах, сборах подписей и др.

2%

Предполагают не только голосовать, но и посещать встречи с кандидатами, участвовать в агитации

11%

Являются членами неформальных организаций

9%

Возможно, одесситы ищут свои пути борьбы за социальную справедливость? Найдут ли они их, поверят ли в солидарность и успех в этой борьбе? Будет ли у них основание снять с себя вину за состояние социальной справедливости и в стране, и в городе, и в своем трудовом коллективе? Это, в частности, покажут предстоящие выборы.